

В сущности, Федра – пуп земли

Патриса Шеро называют одним из самых сильных режиссеров французского театра (хотя его заслуги в кино так же бесспорны – фильм «Те же, кто меня любит, поедут поездом» стал лауреатом многочисленных международных кинофестивалей). Театр его скорее традиционный, чем авангардный. Еще точнее, очень личный.

От спектаклей Шеро бьет током. Эстетика «электрического театра» начала века приучает зрителя к тому, что это искусство живо, бодро и еще покажет себя! Доминик БЛАН – любимая актриса Шеро. Снималась в кино у Луи Маля, Клода Шаброля, Роже Варнье и, конечно, Патриса Шеро. Только что в Париже на сцене театра «Одеон» состоялась премьера расиновской «Федры» с Доминик Блан в главной роли.

– Ваша первая встреча с Патрисом Шеро произошла в 1981 году. С тех пор много воды утекло. Тогда вы были дебютанткой...

– Когда мы встретились, я была не просто дебютанткой – я была робким заморышем. Я боялась выходить на сцену. Хотя уже работала в кино и в театре. Здесь же на меня находил ступор. А у Шеро есть такой прием: он ставит новенького перед камерой или вытаскивает его на сцену и заставляет по ней разгуливать. Без всякой цели – гуляй, и все. В первый раз я походила, походила и сникла. Это чрезвычайно обрадовало Патриса. По его мнению, чем неотесаннее актер, пришедший к нему, тем лучше. Шеро считает, что в современных школах плохо учат кино и театру. И уже обученному молодому актеру сложно прививать свои методы работы. Шеро любит учить сам. И у него это действительно получается.

– Может, ему просто попадают талантливые люди?

– Может быть, но сам он обычно приписывает заслуги себе, говоря: «Я умею учить».

– Шеро любит слово «деспотизм». И считает, что у этого определения много полутонов.

– Деспотизм – для него обычный метод работы с актерами. Если актер слушается и исполняет его волю, он просто нормальный деспот. Если нет – он становится тираном. Разница ощутима. Я предпочитаю Шеро-деспота.

– Шеро не очень церемонится с актерами?

– Он нас называет рабочим материалом. Есть в этом церемония? Или нет? Он этому материалу отец. Папа Карло! У Шеро я могу играть не задумываясь и ступ, и Федру – все! У меня нет пола, имени и социального положения. Я – та, кем он хочет меня видеть.

– Впервые вы сыграли у него в театре в «Пер Гюнте»?

– Да, и вплоть до самой премьеры я думала – развернусь и уйду. Потому что режиссер – маньяк. Я никогда не видела, чтобы так жевали литературный текст. Превращали его в фарш. Как будто мы ставим радиопьесу. Произносили текст горлом, носом, легкими, причинными местами, нарастев, скороговоркой. Это был цирк, а не театр. Я думала, что актеры так и не выйдут на сцену. Когда же это наконец произошло, все встало на свои места: текст оказался наэлектризованным, заряженным, горячим. Он стал почти зримым. И мы, произнося его в экстазе, напоминали безумцев. После премьеры «Пер Гюнта» пресса сначала корректно отписывалась: мол, неплохо, есть свое видение сюжета. А потом выдохнула: «Если бы это было не современным искусством, можно было сказать: да, гениально».

– Отличный пассаж!

– Вполне. Кстати, он говорит об отношении к современному театру.

– Отношение достаточно скептическое, насколько можно судить.

– В этом – мы все, французы. Что было раньше, для нас всегда лучше настоящего.

Д.Блан

– Разговоры о том, что современный театр дышит на ладан, вы лично не поддерживаете?

– Дело вот в чем. Наше ремесло – опасная штука. В этом я суверенна и категорична: пьесы типа «лав стори» и всякие актуальные политические сюжеты – они нынче очень нравятся публике – высасывают все соки из актерской профессии. Испытывают терпение театра. Истощают его. А наступило время, когда все политическое или суетное подогревает воображение зрителя куда больше истин, которые мы называем вечными. И на которых, как правило, держится наше искусство. Без энергетики театр, безусловно, может погибнуть. Хорошо, если у Шеро и ему подобных достаточно энергии, чтобы постоянно подпитывать искусство.

– Вы только что сыграли Федру. И это вызвало настоящую бурю в рядах поклонников современного и академического театров. Расскажите об этой работе. Она ведь, судя по всему, очень необычна.

– Да, все мечтают о Гамлете, включая женщин. Я же – о Федре. Меня в юности очень увлекал Расин. Даже не знаю чем. Он рассказывал об истинной страсти отстраненно. Словно наблюдая из-за портьеры. И никогда не идентифицировал себя с героем. То же делает и Шеро. Они с Расином – режиссеры. А мне хотелось стать одним из персонажей. Раз я уже играла Федру. В артистической студии. Но это все так, ерунда. Вместе с Шеро мы создавали свою «Федру». Просмотрели

ли кучу иллюстраций, прочитали множество литературы, собирали ее образ по черточке. Долго не решались начинать репетиции. Шеро ворчал, что замысел его нелеп, а мне казалось почему-то, что вся труппа при виде меня в роли Федры упадет на пол от хохота.

– Так что же в конечном итоге составило образ Федры?

– Очень многое. Матисс и гравюры Пикассо. Книжки современников о Расине. Расин о современниках. Много, всего не перечислишь. И еще – это уже было в самом конце работы, премьера уже была назначена – вдруг я увидела в каком-то глянцево журнале снимки, сделанные в Москве во время захвата заложников. Там была фотография молодой женщины-террористки, размахивающей оружием. Женщина была ужасна, обречена на смерть. Безумна. И в то же время, может быть, как раз ее безумие подчеркивало это, она была невероятно плотски чувственна. Шеро показал на нее пальцем и сказал: «Похожа» Федра – это бомба, которая может погубить и разрушить.

– Как же вы играете такое?

– Хороший вопрос. Как играть женщину, страстно жаждущую и смерти, и любви? Не знаю. Раньше мне казалось: Федра склонна к нарциссизму гораздо больше, чем, скажем, Ипполит. Теперь мне кажется – нет. Она себя бесконечно ненавидит, но не понимает этого. Потому и разрушает все, к чему прикасается. И любовь тоже. Она разрушает одновременно свой мир и наш. Как это можно играть? На грани безумия. Как всегда играют у Шеро. Я сказала ему, что лучше бы Федру играл мужчина. Женщине труднее ее одолеть. У мужчины был бы отстраненный взгляд... А вообще Федра – пуп земли. И я чувствую, что становлюсь тем же. Знаете, один мой приятель говорил: «В сущности, актерская профессия – трата жизни. Чтобы хоть как-то оправдать это, следует время на сцене посвящать самому себе и стать самим собой!» Я обхожу эту фразу.

Беседу вела
Лиза РОЛСОН

Культура. - 2003. - 13-19 февр. - с. 11